

ПИОНЕР

УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Возле Школы № 1

№ 37 Пионер

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦИКП(б) „ПРАВДА“
1933

В. Смирнов

Дагестанские пионеры

К БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО — БУДЬ ГОТОВ!

ПИОНЕР

№ 1

боевой и старейший общественно-литературный журнал пионеров и школьников

ОРГАН ЦБ ДЕТСКОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ имени
ЛЕНИНА по ЦК ВЛКСМ.
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
М. ЧЕРКАССКИЙ, д. 3-4,
тел. 4-61-64

О Т Д Ы Х

Стихи А. Жислина
Рисунки И. Семенова

Ласков щенок — мороз,
Кусает, но нежен зуб;
Налился румянцем нос,
И стало сыро в носу.
Русский сегодня сдал,
Хоть не зашился чуть-чуть.
Подмышкой «гагены» сжав,
Я на каток лечу.
Трамваи трясутся,
на стыках трезвоня,

Шины машин шипят на снегу;
Никто из прохожих меня не обгонит,
Когда на каток бегу.
Полтинник стоит билет,
Но разве полтинника жалко?
Мой торопливый след

Кончается у раздевалки.
Пальто и ботинки делой,
За все — деревянный номер;
По доскам ташу за собой
Поставленные на сталь ноги.
Но вот меня ноги на лед выносят,

Приятен первый по льду полет;

Коньки тихо скрипят,
словно просят:

«Быстрее режь, не жалея, лед».
Сколько ребят здесь,
И все — знакомые рожи,
Точно отряд весь собрался,
и школа тоже.

Вместе — оно веселей —
Фигуру можно построить:
Ну, ребятня, смелей,
смелей,
Удвойте скорость,
утройте!
Зигзаг за зигзагом
змеится за нами,

Хором хохочем,
холод забыв;
Шарф головного вьется, как знамя,

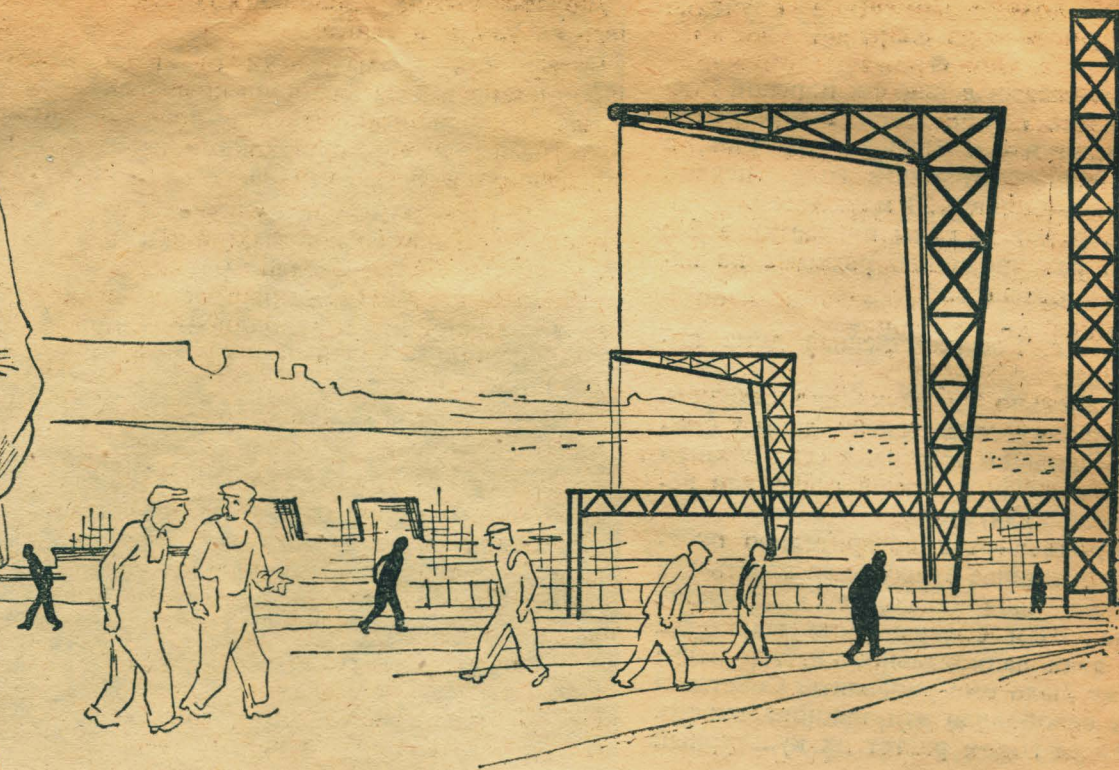
Отстали лишь те,
чья ноги слабы.
Вечер густеть начал,
Конец веселью, заметь-ка!
заметь-ка!
Ждет меня задача
По арифметике.
Без грусти еду по льду
Номер сменить на одежду;
Завтра опять приду,
Будет весело тоже;
Глухо гудят
сердчио ноги,
Мечтаю, мечтаю
о час горячем,

О том, что завтра математик строгий
Поставит мне «уд»
за решение задачи.
Скорость ногам придав,
Снег тротуарный крошу.
Подмышкой «гагены» сжав,
Я домой спешу.
Трамваи трясутся,
на стыках трезвоня,
Шины машин шипят на снегу,
Никто из прохожих меня не обгонит,
Когда я с катка бегу.
Ласков щенок — мороз,
Кусает, но нежен зуб;

Румянцем налился нос,
И снова сыро в носу.

МАЛЫШ ИЗ ВАССЕРКАНТЕ

Очерк ДМ. ЛЕБЕДЕВА

Рисунки В. Коновалова

Вечер. Ветер. Гроза. Движения замедлены, четки. Ему еще только пятнадцать, и он, Лео Горн, малыш из округа Вассерканте, подручный радиомонтера на верфи «Блом унд Фосс», серьезнее самого Людендорфа.

Лео годами лелеял мечту побывать в Советском союзе.

В какой-то октябрьский праздник жизнь бросила ему этот неожиданный подарок, и месяц Москвы и Ленинграда стал в его биографии сгустком тысячечетных воспоминаний. Он привез с собой неугасимый запас радости и два чемодана пустяков.

Когда теплоход «Рыков» выбросил его на берег Индийской гавани в Гамбурге,—почему-то именно здесь бросают свои якоря советские гости,—он почистил рыжеватую юнштурмовку, ухарски смял фуражку с недавно отпоротым пятиконечным значком и, потрясая чемоданами, двинулся к автобусу.

Тридцать месяцев спустя, когда светлой ночью мы встретились с малышом на белом взморье Бланкенезе, он, смеясь, рассказывал о затруднениях полицейского чина, обнаружившего у Лео красную рубашку.

— Это негигиенично,—сказал чин.—Белая или голубая вам больше к лицу.

— Я люблю красный цвет,—внушительно отпарировал малыш,—зачем вы спорите о вкусах?

— Вам придется закрыть ее плащом,—с неотвратимой любезностью подчеркнул представитель закона.

Сидя дома, малыш полчаса отпарывал швы с помощью сестренки Герды: рубашка оказалась комсомольским зна-

менем красильно-аппретурной фабрики, что в Москве за старой Преображенской заставой.

Дня через три его арестовали за неприличное поведение в церкви: на самом деле малыш был пойман во время разбрасывания листовок против его святейшества папы, но полиция предпочла выступить в роли адвоката господина иисуса христа.

Герда пробовала плакать, но это не вдохновляло даже ее, а слушатели щеголяли равнодушием, и она, смолкнув, продолжала попрежнему торговать комсомольской газетой.

Когда стало туго, она перебралась на обувную фабрику господина Реезе, чтобы сохранить комнатенку в Шиффбеке и Лео мог быть спокоен, что, выйдя из тюрьмы, он не будет отмерять часы на перилах станцийки Баумвальль, где скучно и холодно. Герда продержалась две недели: герр Реезе не мог терпеть у себя безбожья.

Когда Лео вышел из тюрьмы, Герда стояла тысяча пятой на регистрационном пункте. Тогда малыш сказал:

— Знаешь что? Я нашел тебе работу. Мы повезем знамя в Альтенкирхен.

...Маленький городишка Альтенкирхен затерялся в глуши пфальцских гор, в зеленой оправе богатых дичью лесных массивов. В глубь веков отошло прошлое, где были парады, рыцарские набеги и турниры любви. Далеко от промышленных городов с их шумными улицами и демонстрантами, сюда, в глушь, ушли самые черные из черных князья без двора, бароны без поместий, рыцари без шпаги. И прочная кожаная плеть заме-

няет современному рабу и бога и чорта. Ну кто бы мог подумать, что в эти сильва-сы заберется комсомол?

В какой-то унылый серенький вечер от Людвигсгафена, как сейчас, бежала гроза по Рейну, лугая узенькую лесную магистраль, и вместе с ней прибежал в Альтенкирхен маленький Лео Горн, малыш из Вассерканте. Полпути он отмахал на велосипеде, а потом, когда запах лесной свежести закружил ему голову, он передохнул на полянке и дальше пошел пешком, волоча за собой свою железную клячу. К девяти он вступил в город. В комнатенку, где собрались комсомольцы, полз мелкий и липкий дождик, когда Лео начал говорить. Но что дождик, когда Лео привез привет, поздравления, миллион своих сплетающихся в клубок воспоминаний?

— Хайль Москау!

Какое дело ребятам до альтенкирхенского дождика, когда там, за тысячи километров, кто-то вспомнил о них в горячем воздухе красильных цехов? И ребята жмут руки лудвигсгафенскому посланцу, кричат разноголосые приветствия и в сотый раз заставляют повторять рассказ.

В Людвигсгафене подумали: что делать большевистскому знамени в городе, где и без того на улицах жарко от демонстраций!

Начинался пряный пахучий август: на четвертое комитет назначил слет в Альтенкирхене. В этот день знамя должно было завоевать Пфальц.

Тогда из всех углов, из всех мышиных нор полетели в Людвигсгафен толсторожие лесные короли.

«Долой, долой!» Помещики не допустят комсомольского собрания. Они требуют запрета. Они угрожают оружием. Вся бандитская дрянь из лесных трющоб повылезла наружу. Помещики вооружили ее для расправы над комсомольцами.

На праздник был наложен запрет. Шествие было объявлено вне закона. Первого августа на улицах Алтенкирхена былолюдно, как никогда, от избылиия полицейских и фашистов.

В утро этого дня автобус из Людвигсгафена притащил Герду. В чемоданчике с маркой гамбургской фирмы «Карштадт» лежало московское знамя. Она бережно передала его секретарю комитета.

— Ты отвечаешь за него головой!

С тех пор секретарь спал через ночь по очереди с заместителем и нередко в холодном поту бросался к дорожному подарку, ощупывая в темноте его загадочно шуршащую ткань.

Еще с вечера началась ерунда. Красноликие буржуа, обросшие салом, выбегали и истошно звали полицейских. А изо всех окон несло тысячеголосым тарарамом:

— Рот фронт! Четвертого—собрание комсомольцев. Не признавайте никаких запретов. Приходите приветствовать красное знамя семеновских пролетариев: Хайль Москау! Да здравствует Москва!

Дюжина рыжих полицейских металась из улицы в улицу.

Четыре дня издевательски орали радиоприемники, и четыре ночи кругложивотые мещане ворочались с боку на бок, трясаясь всеми проволоками своих заплывших сытостью нервов.

А по вечерам на дальней улочке из ворот каретной мастерской выходила Герда и за ней Лео и устало разминали спины, отбыв свой тяжелый пост на самой загадочной из всех радиостанций. Тогда впервые в жизни подручный стал настоящим монтером.

Четвертого утром радиостанция в последний раз прокричала:

— На слет! На слет! Хайль Москау...

Потом что-то затрещало в эфире, хриплый бас прошамкал глупое извинение, и через несколько минут трескучий джаз-банд снова заплывал воздух промозглыми фокстротами.

Самодельная комсомольская радиостанция была полностью ликвидирована, два комсомольца в качестве вещественного доказательства препровождены в тюрьму, а портреты государственных преступников—Лео и Герды—выставлены в публичных местах для всеобщего обозрения. Их объявили пропавшими.

Не смешно ли думать, что такие, как Лео и Герда, могут пропасть,—они просто сменили квартиру, не оставив полиции нового адреса...

Четвертого было воскресенье, тихий день, когда пфальцские егеря атакуют зеленую глушь в погоне за дичью. Вкусы меняются, и на этот раз дичью стали комсомольцы. Уже с субботней ночи заснувший Алтенкирхен был встревожен отрядами жандармов.

Вооруженные пикеты шныряли по заросшим тропинкам. Ночные дозоры, таясь, пробирались под чахлыми пихтами, охраняя пути в Алтенкирхен.

Полководит расставили часовых и ушли домой—пить пиво и разрабатывать план генеральной атаки.

К полудню из-за дождевых туч выглянуло солнце, и тогда сразу по всем тропинкам потянулись колонны ребят. Из городов шла целые дружины, из деревень тянулись по-одиночке—по-двое, редко группкой в пять—шесть человек: тогда впереди колыхалось маленькое домашнее знамя. Одни ехали на вслосипедах, другие подсаживались на крестьянские дрожки, кое-кто ухитрился прирмоститься на грузовичок, подвозящий шпалы к лесной узкоколейке.

— В атаку!

Горнисты протрубили сбор. С гиком и бранью охотники набросились на ребят. Кое-кто в панике побежал, робкие запросили пощады, но большинство стало работать кулаком. Находу наиболее ретивых егерей так отделали, что им пришлось плестись домой, охая и выплевывая вместе с кровью проклятья. Но

Полицейские метались изулицы вулицу, свиреповпиваясь в огнедышащерадиорупоры

охотников было все-таки больше. Ребятам не давали соединиться, на них нападали по-одиночке, подстерегали в чаще, тащили арканом, хватали, как диковинную птицу.

— Где знамя?

Глупый вопрос. Ребята смеялись, когда охотники кривились от злости. Какое знамя? Ищите — вон какой большой лес впереди.

За час до демонстрации дом, где обитал Фриц, секретарь комитета, пряча свое дорогое знамя, был окружен полицейским кольцом. Лео, стоявший на площади, измерил глазами высоту дома. Три этажа. Прыгать безнадежно. Если ползти по карнизу, заметят, и драгоценное знамя погибло. Как маршал перед битвой, он сосредоточился весь на одной мысли — перехитрить врага. Знамя должно быть у демонстрантов! Слет погиб, если не будет обещанного знамени. А вдруг полиция вздумает произвести обыск? И он встревоженно думал:

— А что если секретарь в поисках выхода совершит какую-нибудь глупость?

Тогда он окликнул собаку Фрица. Она признала его и с радостью метнулась через полицейский забор. Лео бросил два слова на узенький листок и спрятал его за ошейник. Как секретный приказ перед битвой, этот листок оставался неведомым никому, даже Герде. Умный пес доставил его секретарю. И, как настоящий боевой маршалский приказ, он остался необъясненным даже для Фрица.

Потому, что эти два слова были: «Не двигайся».

Потом Лео окликнул руководителя колонны и тихонько, сказал ему:

— Собирай ребят, маршируй, пой песни, занимай их чем угодно, я добуду знамя. У меня час срока до начала демонстрации. Понял?

Ровно в два Лео вышел, прикрытый плащом и кепкой, на рыночную площадь. Чемоданчик фирмы «Карштадт» болтался в руках у Герды. Малыш из Вассерканте отмерил путь к овощной тележке, которая удосужилась стать трибуной:

— Начинай!

В два часа комсомольцы заполнили площадь: это было точно, как по часам. Знамя взлетало на дровяке. Впереди шли Лео и Герда, и рубиновый лозунг высоко колыхался в их руках. Руки устали держать, немели пальцы, кровь прилила к лицу, и Герда была бледной от усталости, но Лео кричал ей:

— Смелее, Герда! Какое утро, ребята! Хайль Москау!

В два часа рыночная площадь серенького Альтенкирхена стала комсомольской республикой. По узеньким переулочкам собирались строфы боевой песни. В несколько минут полицию оттеснили с площади. Отряды шли, цокая по кремневому проспекту, пробивая дорогу песней. И чем ярче светило солнце, тем оглушительнее звенели голоса. Казалось, нет ни сырого, болотного воздуха Альтенкирхена, ни сереньких улочек,

ни охотничьих застав. Комсомольцы взяли в плен Альтенкирхен. Тогда охотники дали бой смельчакам. Вооруженный отряд устремился к знаменосцам. Сбитый ударом, Лео зашатался, опираясь на плечо Герды: знамя могло стать добычей врага. У Герды забегали глаза — она что-то собиралась сказать, изо всех сил удерживая знамя и помогая брату. Кто-то подбежал к ним, подхватил дровяк. Ребята теснее прижались к ним, кулаками встречая атаку.

У Лео мутилось в глазах: мимо бежали всадники — красные, рыжие, черные. Он хватал руками воздух: улица кружилась в каком-то смешном вихрем, и он беспомощно искал точку опоры на пляшущей под ногами панели. Тогда он схватился, что было сил, за дровяк знамени и крикнул, хрипя на всю площадь:

— Не сдавать знамени Москвы!

Охотник с бычьими глазами; замахнулся на него дубинкой. Лео закрыл глаза... Тррах! Бычьего егеря валят на землю, засыпают грязью, обрабатывают его же дубинкой. Лео тянется по земле, цепляется за чей-то сапог. Удар. Полицейские тянут к себе государственного преступника. Держите знамя! Удар. По треснувшей юнгштурмовке бегут густые капельки крови. И уже болтаясь в дюжих полицейских руках, он снова машет ребятам, и в пролеты дерущейся толпы несется его заглушенный хрип:

— Дураки! Не возьмете!.. Не возьмете. Не возьмете!..

Герда бросается к ребятам:

— Лео, Лео в руках у полицейских!

Десяток ребят прорывается к пленнику. Сухие удары. Его вырывают вконец избитым, с закрытыми от боли глазами. Тишина. Государственный преступник избежал ареста: ребята утащили малыша к своим, на окраину. Герда на ходу перевязала раны. Собрание укрылось где-то на опушке рощи в большом и сыром помещении, где по стенам ползали зеленые комья плесени. Но побитые, измазанные в грязи, украшенные шишками комсомольцы вынесли из боя нетронутое знамя Лео и с боем пронесли его из улицы в улицу. Потом Лео проснулся на чужом плаще в толпе, которая горланила комсомольские песни. Он потребовал себе слова. Отказ. Он должен говорить!

— Знамя цело, — ответила Герда, — а говорить тебе нельзя.

Но Лео категорически мотал головой, боль начинала проходить — «это невозможно» — боль усиливалась — «я обязан сказать несколько слов» — чуть-чуть отлегло в плече — «отпустите, слово принадлежит мне». Его поставили на стол, — отсюда малыш казался совсем как взрослый. Он пошатнулся и сказал с полной уверенностью:

— Мы, черт возьми, комсомольцы, и так называемая боль...

Короче: он говорил три часа. Воспоминания о Москве у него перепутались с

другими — это все проклятые охотники наделали столько сумятицы, но ребята не были в претензии: рассказ Лео звучал, как баркаролла.

К полуночи, когда кончилось собрание и колонна комсомольцев двинулась по домам, охотники снова пошли в атаку. Тогда Лео сухо сказал ребятам.

— Бросай знамя на землю.

На него посмотрели, как на сумасшедшего. Передний спросил:

— А ты не бредишь, Лео?

Но малыш ответил с чувством:

— Кто все-таки будет командовать — я или ты?

Тогда, бросив на него полный ярости взгляд, знаменосец швырнул знамя в лицо подбежавшему офицеру. Жест был таким неожиданным, что полицейские застыли. Офицер дрожащими руками развернул опасный штандарт.

Непривычная вязь букв — золотое и красное — слепила глаза. Да, это было страшное московское знамя. Лео вызывающе смотрел ему прямо в лицо. Это продолжалось минуты три, потом он сказал вполборота к ребятам:

— Идемте. Ему нужна была эта красная тряпка, он ее получил. Больше нам делать нечего.

Колонна молча сдвинулась с места.

— Д-да... — протяжно сказал кто-то в темноте. — Нагнул ты, Лео.

А через пятнадцать минут по широ-

кой людвигстафенской дороге вытянулась колонна ребят, и впереди, вздернутое ветвями, колыхалось большое знамя и на пурпурной волне золотыми козявками прыгали буквы. Песня побежала в лес, по опаловым кронам пихт, по зеленому бордюру дороги. Начинался рассвет...

— Постой, постой, Лео, — я прервал его на полуслове. — Что же это было за знамя?

Лео потряс вешлом, улыбнулся.

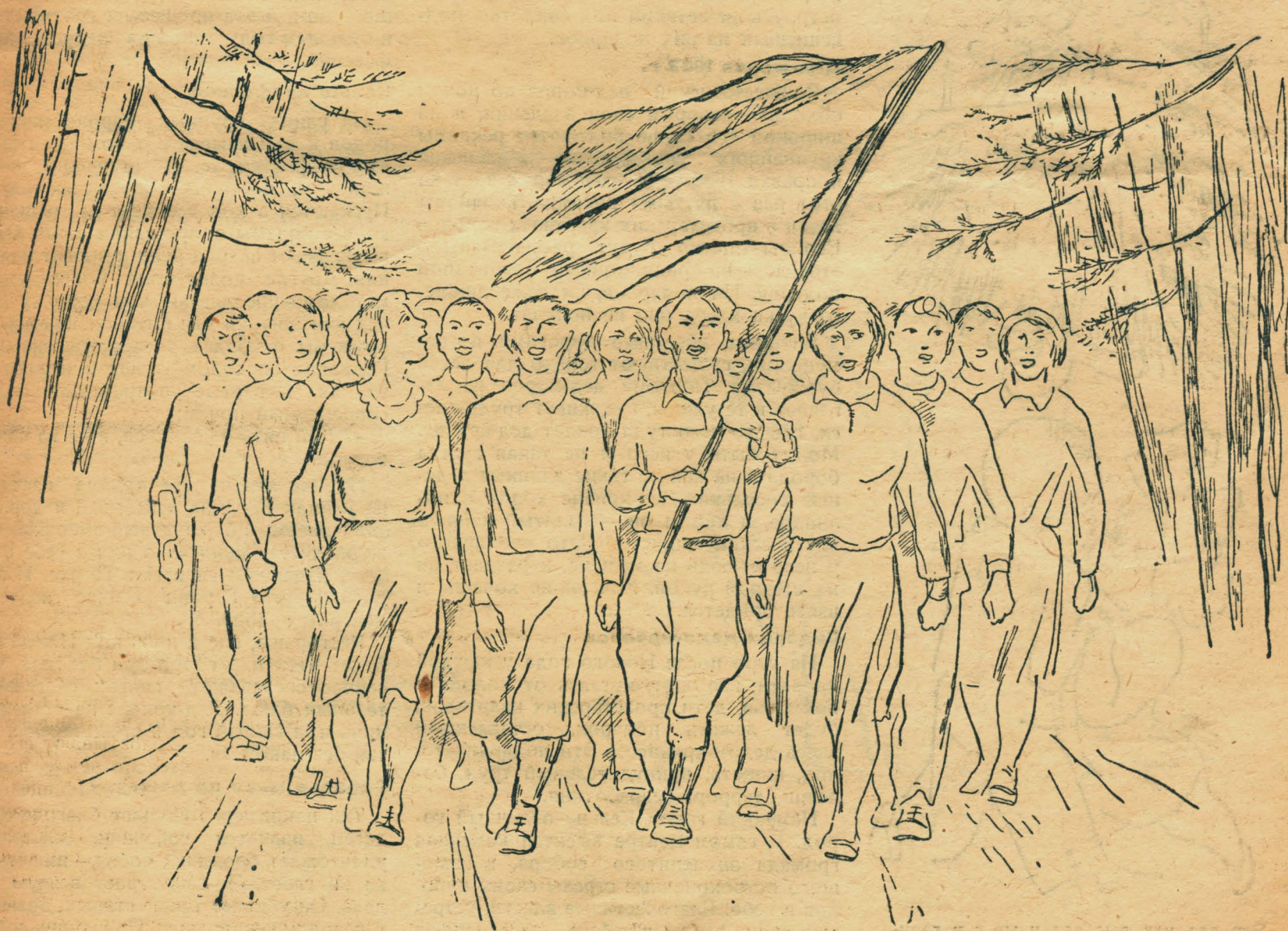
— Настоящее. То, которое лежало у Фрица под охраной полиции. То знамя, из-за которого шла драка, я написал сам по памяти. Видишь?

Он показал мне текст.

— Скажи, очень плохо?

Я не стал смущать малыша. Это было ужасно: он ведь вовсе не знал русского языка. Но кто знает его в Альтенкирхене?

...Спасибо, малыш, за твой рассказ. И если ветер с севера вновь принесет меня к малахитовым эльбским берегам, ты ведь придешь меня встретить, не так ли? И я знаю, что мы снова будем сидеть до утра и ты будешь забрасывать меня вопросами, и ты будешь вдыхать воздух наших холодных широт, и будешь счастлив кусочком своих воспоминаний, и вместе с тобой буду счастлив и я и ветер — радужный ветер Бланкенезе.

Песня побежала в лес, по опаловым кронам пихт, по зеленому бордюру дороги...

ЗАКРАСНЫМ РУБ

ДЕД-МОРОЗ И ДЕД-КРИЗИС

Очерк Б. РОЗЕНЦВЕЙГА

Рисунки Б. Пророкова

Они готовы к встрече

В окнах самых больших и шикарных магазинов всех европейских столиц сейчас выставлены пышные вечнозеленые ели. Новогодний сезон в полном разгаре. Газетная, световая, кино-и радиореклама наперебой обслуживает взрослых и детей с лакейской услужливостью и прилипчивостью человека, который ни за что не хочет упустить покупателя.

В магазинных витринах насыпан густой снег. Его так много, что груды этого искусственного снега напоминают огромные сугробы, похожие на пряники, сугробы, с которых можно кататься на санях.

Отдельные крупные универмаги Берлина оборудовали даже небольшие рожицы из елок. Ели высотой в два-три этажа, стройные, как мачты океанских яхт, в разноцветных огнях электрических лампочек стоят, роняя искусственные снежинки, и тихо дрожат своими остроусыми ветвями под тяжестью подвешенных на них подарков.

Дед-мороз 1933 г.

Рождественский дед-мороз по ночам обходит дозором свои владения, и на широкой его спине болтаются рекламы крупнейших универмагов. Маленькая поправка 1933 года—дед-мороз идет на этот раз с пустыми руками. Миллионы детей в пролетарских кварталах городов Европы тщетно будут рассчитывать в этот день на традиционный новогодний подарок. Ни подарков, ни даже лишнего куска хлеба они не получают.

Витрины, украшенные дорогими погрешками, существуют только для детей буржуазии. Поэтому дед-мороз не заглядывает в те улицы, где живут трудящиеся. Вместо него туда придет дед-кризис. Может быть у него и не такая густая борода и на ней не такие длинные ледяные сосульки. Дед-кризис ходит в цилиндре, и лицом он—вылитый капиталистический министр. Зато «подарков» у него отнюдь не меньше, и раздает он их щедрой рукой. Хочешь-не хочешь, а взять придется.

Подарки деда-кризиса

На утро после Нового года у каждой кровати, где спят, кутаясь от холода в лохмотья, дети пролетарских кварталов, будет лежать подарок, оставленный здесь дедом-кризисом. Эти подарки—голод, нищета, принудительный труд, безработица, террор, безработица.

Немецкий город Кельн—отличный город. В самом центре высится каменная громада знаменитого собора, вонзающего остроконечные стрелы своих куполов в небо. Благочестивые власти, устремив свои взоры в небеса, не замечают даже того, что творится у них под ногами в новогоднюю ночь.

Вот пачка писем, написанных детьми и родителями. И тех и других несомненно в ночь под Новый год посетит дед-кризис. В худой, потрепанной одежке дети боязливо жмутся в своих конурах и не в состоянии даже добраться до школы.

«Вчера я оставила своих ребят дома потому, что не было хлеба и мы не могли дать им денег на завтрак в школе»,— мрачно пишет один из отцов школьной администрации и опускает письмо без марки в почтовый ящик, висящий рядом с Кельнским собором.

Ящик этот уже давно стал копилкой вздохов, проклятий и жалоб.

«Моя девочка не может ходить в школу,—пишет другая мать,—так как я не могу дать ей с собой хлеба и мне не из чего изготовить даже пустой суп».

Дети ходят голодные, босые, живут по десять человек в одной комнате. Здесь подарков от деда-кризиса хоть отбавляй.

Школой для детей становится улица. Голод и холод гонят их на тротуар. Шторм кризиса выбрасывает их на панель и толкает с такой силой, как осенний ветер охапку мокрых, пожелтевших листьев. Дети начинают заниматься нищенством, и эта профессия грозит стать в будущем году одной из «ведущих профессий».

Новые профессии

На улицах крупных европейских городов к вам взывают о помощи голодные подростки; те, что поменьше, почти шопотом, постарше—более назойливо. Пускаются в ход все методы нищенства, все приемы попрошайничества. Одни вытягивают вперед руку и просят подаяния. Другие пользуются более новым методом—предлагают вам коробку спичек или шнурки для ботинок. Третьи вооружены наиболее распространенным в Германии способом—поют и играют на улицах. Четвертые употребляют сверхсовременный прием:

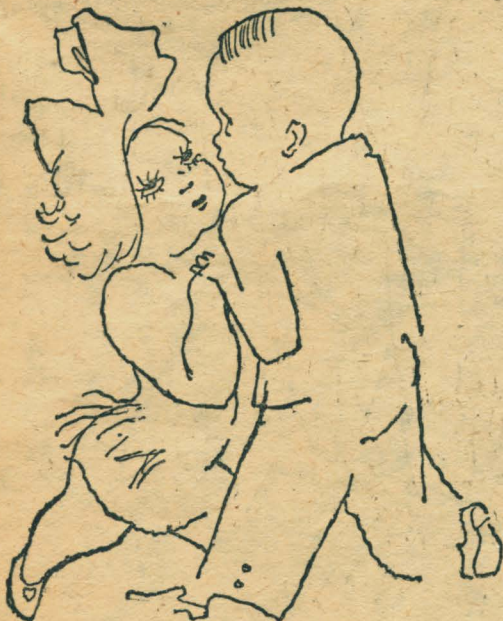
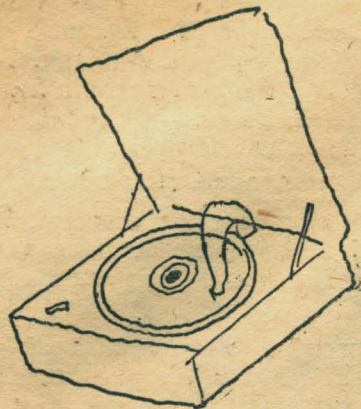
— Дай пять пфеннигов, а не то плюну в лицо.

Именно эти четыре приема насчитал на улицах Берлина известный и дорогостоящий буржуазный американский журналист и написал о них к себе в газету, издающуюся в Нью-Йорке. И еще добавил, что Берлин сейчас является центром голода.

Рестораны, где в ночь под Новый год будет итти пир горой для богатых, уже сейчас составляют список сногшибательных блюд. Дед-кризис не оставил в ночь под Новый год и пролетарских детей без лакомств.

Собачье мясо по дешевке

Так например в Польше благодетелем детей является собачник. «Живодер уничтожает бродячих собак,—пишет одна из газет,—и заказывает всякую падаль. Он убивает также старых, больных и негодных животных. Не веришь собственным ушам! Как же, значит дети безработных питаются падалью? Говорят,

Это для них выставлены в магазинах елки. Это для них дед-мороз приносит подарки, рад-сти

Е Ж О М

не всегда. Может случиться, что уничтожается здоровая лошадь, которая к счастью или несчастью сломала себе ногу. Разве можно позволить, чтобы мясо пропадало зря? Собачье мясо продается недорого: четыре—пять кило за 30—40 копеек, даже дешевле.

Живодер не скупится, он не лишен сердечности: все-таки дети. Хуже, если чет приконченного коня. Тогда приходится брать падаль».

И оглядывая полуиспуганными, полуравнодушными глазами окружающую обстановку, журналист, написавший эти строки, шепчет бледными губами:

«Смерть, медленная смерть! Что будет завтра? Есть отчаявшиеся и решившиеся на все. Они доведены до пределов отчаяния».

В то время как детям в Польше только по праздникам дают «бульон» из собачьей падали, в такой стране, как Аргентина, которая считается фабрикой мяса в мировом масштабе, гниют груды запасов. Впрочем польские дети могут утешиться тем, что даже в Аргентине школьники тоже голодают.

Случай, о котором мы сейчас расскажем, произошел в Чикаго. В школе за уроком, низко склонившись над партой и странно уткнувшись носом в самый учебник, сидел десятилетний Джек. Трижды вызывал его учитель к доске, но ответа не последовало. Тогда, вооружившись линейкой на всякий случай, он направился к ученику. Приблизившись, учитель увидел, что Джек полулежит в глубоком обмороке. Через час он умер от истощения. Длительное недоедание. Брата его еще успели спасти. Другой школьный учитель, который предпочитает не пользоваться линейкой, сообщая об этом, со слезами в голосе говорил:

— В наших больших городах едва ли найдется преподаватель, который не стоял бы перед ужасной задачей — объяснять уроки детям, наполовину потерявшим силы от голода.

Они посылают их к христу на елку

В Польше сейчас очень часты случаи замерзания детей. Сотни бездомных подростков ютятся по трущобам Варшавы, и иногда после метели сторожа находят под стеной какого-нибудь сарая детский труп. Так сообщают буржуазные газеты, которым в этом случае нельзя не верить.

Сказочники буржуазии очень любят вспоминать легенду о том, как в ночь под Новый год замерз мальчик и как он попал на елку к самому господину богу. Мальчик у христа на елке — любимая книга деда-кризиса, с помощью которой он надеется успокоить детские умы. Но дети пролетариата, замерзающие на улицах крупных городов, не рассчитывают отогреться у христа на елке.

Боевое поколение безбожников не верит ни в бога, ни в христа, ни в елку. Кроме того ради такой перспективы вряд ли стоит замерзать. Оно — это поколение — знает, что единственным источником настоящего тепла является пылающий костер революции.

А им остались улица и дед-кризис с его подарками нищеты, голода и холода

Властелин мира и его ровесники

Фото из фильма „Властелин мира“, режиссеры ЮДИН и ЗИНОВЬЕВ

Очерк Льва КАССИЛЯ

Кадр из фильма „Властелин мира“, Арт. М. Каштелян, в роли Ромки

Ребята!

Писатель Л. Кассиль написал свои впечатления о картине „Властелин мира“ и постановке „Ровесники“ в Театре юного зрителя. Не мешает и вам описать свои впечатления о картинах и постановках, книгах! Пишите и посылайте в редакцию „Пионера“.

Арт. М. Филатов в роли Кузьки из фильма „Властелин мира“

Вот какие происшествия случились на двух ДТС, на двух детских технических станциях, — очень интересные происшествия. Первое из них разыгралось на Черном море, второе — под Москвой. Несмотря на такое расстояние, между этими историями много сходства. И там, на Черном море, и здесь, на фабрике под Москвой, была ДТС — детская техническая станция. И там и здесь с увлечением мастерили, клепали, клеили, паяли, строгали, резали, пилили, изобретали, конструировали всякие такие замечательные вещи — приборы, модели, аппараты. И там и здесь ребята старались помочь делу своих отцов, и здесь и там были парни, не интересующиеся славным делом своих товарищей, готовые даже помешать, повредить и т. д.

На Черном море один такой парень мечтал стать властелином мира. Он хотел отправиться на корабле в далекие страны покорить дикарей. Он часами мечтал о том, как поедет вот он... и там под пальмами завоеванного острова вокруг него будут плясать разукрашенные туземцы, оказывая ему всяческие почести. А он... Одним словом, ужасные мечты втемяшились в голову этому парню. И вместо того, чтобы помогать пионерам, которые во что бы то ни стало решили дать мотор колхозной артели рыбаков, вместо того, чтобы заняться этим интересным и полезным делом, он целыми днями просиживал на берегу моря, глядел вдаль или играл с приморскими ребятами.

А ребята-то были самые ерундовые, этакая голопузая мелочь, мальки. Все, кто постарше, давно занялись делом. И пришлось нашему парню дружить или с мелюзгой или с прогульщиком, которого не брали в море за пьянство. Тогда понял парень, о чем теперь мечтают его сверстники. И не только мечтают, но и проводят свои увлекательные мечты в жизнь.

Вон какие у них в ДТС имеются уже аэропланы, станки, динамки, автомобили! Вот эти подрастут, научатся и в самом деле станут властелинами мира. Вот это да!..

Ну, что было дальше, вы сами увидите. Тут было еще много приключений и страшных и веселых, пока наконец парня не примкнул к ребятам из ДТС, к всамделишным будущим властелинам мира, и после разных интересных событий они приняли его в свою семью.

Это было на Черном море.

Так. А под Москвой была школа при кожевенной фабрике. 15-летние пионеры-школьники создали кружок «Ровесники Октября» — ведь и Октябрьской революции минуло 15 лет. «Ровесники Октября» — это почетное, ответственное звание. Страна советов за эти 15 лет

проделала неизмеримую работу. Люди выросли за эти 15 лет так, как в других странах за столетия не вырастали. Ну-с, а вы, ровесники нового мира, вы, пятнадцатилетние, что вы сможете предъявить Стране советов?

И они предъявили — «Ровесники» с подмосковной кожевенной фабрики. Они крепко ухватились за мысль создать кружок «Ровесников», который будет подтягивать учебу, свяжется с Московской ДТС, заинтересует ребят фабричными делами. В клубе ребятам отвели место для уголка «Ровесников». Там ребята завели доску брака: выписывали номера забракованных ботинок и по этим номерам узнавали, кто из рабочих виноват в браке, кто небрежничал. Прогульщики и лодыри обозлились на «Ровесников».

С лодырями и хулиганами дружил один из плохих учеников школы, сын прогульщика, непутевый малый. Он даже до того дошел, что камнем прошиб голову одной пионерке. А когда его решили судить, то он испугался, сделал вид, что раскаивается и просит прощения... Он даже раздобыл для «Ровесников» доски, которые были необходимы кружку. «Ровесники» поверили и приняли его в свой кружок: ему тоже было как раз 15 лет.

Фабричные хулиганы были очень довольны, что к «Ровесникам» втерся «свой парень». Но они просчитались: «свой парень» так увлекся интересной работой «Ровесников», что стал хорошо

Кадр из фильма „Властелин мира“. На острове

учиться, сделал замечательную светящуюся карту района и вышел победителем на соревновании с той самой пионеркой, которой он когда-то прошиб голову. Дело «ровесников» стало его родным, кровным делом.

Тут я мог бы сообщить много интереснейших подробностей. Я бы мог рассказать, как отец-прогульщик тоже нашел свое дело и свое счастье. Я бы мог рассказать... Но я не буду рассказывать. Вы, ребята, сами прекрасно можете узнать все подробности. Для этого вам только придется прочесть пьесу писателя Курдюмова «Ровесники» или пойти посмотреть ее в Государственном центральном театре юных зрителей в Москве. Это — очень хороший, интересный спектакль. Даже взрослые смотрят его, затаив дыхание, не отрываясь ни разу, не оглянувшись назад..

А ребята — те готовы вмешаться в ход событий, совершающихся на сцене. Ребята кричат, топают ногами, свистят и аплодируют. Как тут усидеть, когда бывший хулиган хочет ножом раскромсать свою чудесную карту... И весь зал кричит: «Не надо! Не смей!» И я, кажется, кричал, хоть я — далеко не «ровесник».

Значит пьеса доходит до сердца, до самого нутра школьников и пионеров. Значит она очень волнует и вместе с тем заставляет любить «ровесников» Октября и их дело. Происходит это потому, что пьеса очень правдива. Она не преувеличивает достоинств и недостатков сверстников Октября. В пьесе выведены живые ребята, которые и дело делают, и ошибаются, и пошалить могут. Подробно показано, как постепенно происходит перевоспитание хулигана. Не с бухты-барухты, — видно, что парню пришлось много перемучиться. Нелегко ему все это далось. Это хорошо. И артисты Государственного центрального театра юного зрителя хорошо, искренне играют. В общем — очень удачный и нужный спектакль.

Также вы можете — открою теперь —

Алеша Филиппов в роли Лешки из фильма «Властелин мира»

узнать все подробности о «Властелине мира». Для этого вам надо будет сходить в кино и посмотреть новую картину, которая так и называется: «Властелин ми-

ра». Сделали ее режиссеры Юдин и Зиновьев, и сделали удачно. Тема картины — столкновение устаревшей и никчемной игры-мечты с увлекательной действительностью — очень напоминает мою повесть «Швамбрания», которая (помните?) печаталась в «Пионере». Но авторы картины и не читали «Швамбранию», и тема может быть взята т. Юдиным сама по себе. Тема эта сейчас важна, своевременна!

Картина «Властелин мира» — занятная штука! Молодые артисты играют замечательно. Снята картина ярко, чистенько, ясно. Смотрится она с большим интересом. Она и серьезна и весела. И воспитательные моменты в ней есть и приключений хватит! Жаль только, что ребята из ДТС показаны в картине как-то на одно лицо и уже слишком пайнками. А сама ДТС, так же как и в последнем действии «Ровесников», показана недостаточно увлекательно. Можно бы это еще интереснее запустить, богаче, веселее. Это — недостаток обеих вещей. Есть и еще кое-какие недостатки, но не стоит говорить о них. Не будем портить впечатления. И картина и пьеса — в общем хорошие, нужные увлекательные произведения большого советского искусства для детей.

Обязательно, обязательно, ребята, сходите узнать все подробности о «Властелине мира» и «Ровесниках»!

Кад. из фильма «Властелин мира». Поход завоевателей

ТАК РОДИЛСЯ...

Рассказ Р. ТРУБИЦИНА Рис. Г. Константинова

Пятнадцать лет тому назад в одном из зданий красной Москвы маленький рыжий человек, страдающий насморком, старался убедить кашляющего попа, что ему надлежит выехать из занимаемого им помещения.

— Вот вам ордер из Наробраза, видите?

Сухенький священник, бывший настоятель чего-то бывшего, не выдержал и закашлялся, качая русой головой. Рыжему показалось, что служка бога выражает сим полное удовольствие от выселения, и захохотал, неприятно, трескуче, но все же с чувством.

— А теперь, товарищи,—он повернулся к стоявшим неподалеку серьезным людям; их было двое, глаза их деловито обводили облупившиеся стены комнаты,—как скоро можно отремонтировать это здание?

Серьезные люди переглянулись, вынули по блокноту и, записав какие-то цифры, признали: «Срок ремонта выразится в двух месяцах».

— Что ж, два, так два.— Кажется это его удовлетворило.— Значит к празднику годовщины Октября сделаем?

Моросил мелкий дождь. Слякоть была непроходимая. Но отовсюду слышалась боевая музыка, всюду шли люди густыми толпами, неся красные знамена над задорно поднятыми лицами.

Им, этой широко шагающей густой колонне, не было ровно никакого дела до дождя, грязи, тумана и холода. Им, пролетариям молодой России, светило, улыбалось новое красное солнце, солнце пролетарской революции.

Праздновали годовщину Октября.

Поздней, когда красную столицу окутал серый вечер, когда огромный город, отпраздновав великий день, погружался в ночное раздумье, в доме, что на Зубовском бульваре под № 21/23, зажгли давно забытые огни.

Рыжий Вася (правда, звали его так немногие боявшиеся его ребята) носил самое обыкновенное имя: Василий Николаевич Комов. Василий Николаевич суетился, бегал по этажам отремонтированного здания, таскал, расставлял последнюю партию мебели, весело улыбался и задорно покрикивал на помощников. Но вот наконец и последняя мебель размещена. Все готово. К телефону: — Барышня!

Рывкнул какой-то сложный номер.

— Наробраз? Давайте ребят, у меня все готово... Сколько?.. Отлично, пока и этого хватит, а после и до пятидесяти раздумем. Ну, идет. Шлите. Пока.

Снизу прибежала девица и, застав его как раз в этот момент, нерешительно стала, теребя полы фартука.

Это было третье по счету штатное лицо открывшегося учреждения на должностях кухарки, поломойки, уборщицы, в общем — техперсонал.

— Василий Николаевич,—пролепетала она,—что готовить? Пора начинать?

— Что это ты сказала? Готовить пора?

— Вот вам ордер из Наробраза, видите?

Конечно пора, беги скорей готовить, пора...

А через час два здоровенных парня в папахах, с винтовками через плечо привели ребят и сдали Васе. Лица ребят были сини, чумазы, грязные копны волос напояли солому, а тощие сухие тела прикрывали серые лохмотья.

— Гм, гм...—крикнул Вася и сел перед ними на табуретку.— А ну, здорово, орлы! Чьи будет родом?

— Всякие,—крикнул белесый, худенький малый.

— Ну, а ты, к примеру, чей?

— Дальний, сибирский я, из-под Енисея.

— Так, ловко припер. А ты, хотя бы, — эй, черный?

— Я?

— Да, ты.

— Я ташкентский.

— Ну хорошо, земляки, хорошо. А вы жрать хотите?

— Хотим.

— Ну что ж, айда вниз, пожрем. Есть такое дело!

Белобрысый Колька из-под Енисея жадно хлебал густые щи из картофельных очисток и капусты и был доволен. Вот честное слово, был очень доволен и даже отметил кулинарное искусство поварахи, которая сновала возле стола.

Так называемое второе блюдо, редкое блюдо тех годов, было составлено довольно неплохо — хвост воблы с гарниром. Кто бы отказался от такого блюда

в восемнадцатом году? А тем более Колька. Правда, гарнир немного подкачал, но в общем был вкусен.

Наелись. После обеда Вася собрал всех ребят, повел их в комнату с большими желтыми шкафами и наделил поношенной, но чистой солдатской одеждой.

— Ну, пацаны, берите белье и... муться. Только лучше, кипятком, мылом, лучше трите, чтобы вши ни одной не осталось, а завтра и локоны вам снимут. Ну, айда!

Вымылись. По очереди показались Васе. Тот был доволен, гладил живот и улыбался.

— А ну, команда, становись по росту, стройся.

Он на мгновение исчез. Явился со старым заплеванным корнет-а-пистоном.

— А ну, ребята, кто горазд?

Колька вспомнил духовой оркестр старого капеля с седыми тощими усами и новый первой партии корнет, на котором он отыграл целый поход.

— Дай я дуну,—взялся Колька.

— А ну, равняйся, команда, левое плечо вперед, шагом марш!

Раздались хриплые ноты марша «Старые друзья». Восемнадцать пар ног в солдатских сапогах весело застучали наверх, в спальню. И старые стены сего здания одобрительно загудели, приветствуя молодую рать Октябрьской революции. Так родился когда-то Институт трудового воспитания.

КОЛУМБЫ СЕВЕРНОГО ПУТИ

Очерк А. ТОМ

Фото специального корреспондента Союзфото Новицкого

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД

Более двух тысяч лет назад один отважный грек, по имени Пифей, снарядил судно и отправился в дальнее морское путешествие. Так как его корабль все время держал курс на север, то через некоторое время он попал в такие места, где плавали льды, шел снег и свирепствовали метели. Пифей был жителем юга. Он привык к теплу и солнцу. Суровая картина севера так убила его, что он не рискнул идти вперед и повернул обратно. В своем дневнике Пифей записал, что здесь очевидно конец всему живому, а если и есть люди, то они несомненно имеют крылья, при помощи которых они передвигаются по этой суровой стране.

ПЕРВЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Первыми завоевателями севера были английские купцы. Они искали новых, более коротких и лучших путей из Европы в Индию, Китай и Японию. И с этой целью из английской гавани Ратклиф 20 мая 1553 г. вышли три корабля. Ни один из них не достиг намеченных стран. Два корабля были затерты льдами и погибли вместе с экипажем у берега Лапландии. Третий под командой капитана Ченслера добрался до Белого моря и побывал в Архангельске. С тех пор наша торговля с Англией стала быстро развиваться. Вслед за англичанами пришли голландцы. Их попытки отыскать северо-восточный проход из Атлантического в Тихий океан были более успешными. Они даже прошли один из проливов Новой земли—Югорский Шар, побывали в Карском море, однако и им льды преградили дальнейший путь на восток.

ПУТЬ ПОБЕЖДЕН

Триста лет тщетно бились моряки над разрешением этой задачи. Многие стали утверждать, что северный морской путь практически не осуществим и этой дорогой не в состоянии пройти ни одно судно. Но вот в 1874 г. капитан Джозеф Виггинс на пароходе «Диана» проходит к устью Енисея. В следующем году шведский профессор А. Норденшельд на яхте «Превен» благополучно повторяет этот рейс. Вскоре Норденшельд организует экспедицию, которая ставит своей задачей обогнуть весь север Азии. В 1877 г. на моторно-парусной шхуне «Вега» Норденшельд выходит в плавание.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

В истории завоевания Северо-восточного морского пути есть две исторических даты. Это:

11 часов утра 20 июля 1879 г., когда «Вега», проходя Берингов пролив, миновала восточный мыс Азии.

И:

5 часов пополудни 1 октября 1932 г., т. е. момент огибания советским ледоколом «Сибиряковым» мыса Дежнева.

Для того, чтобы из Европы пройти Великим северным путем в Тихий оке-

Капитан ледокола «Сибиряков» В. И. Воронин (слева) и начальник экспедиции проф. О. Ю. Шмидт

ан, Норденшельду потребовалось два года. «Вега» была недалеко от Берингова пролива, когда льды Арктики преградили ей дорогу. Они вдвое удлинители ее пути.

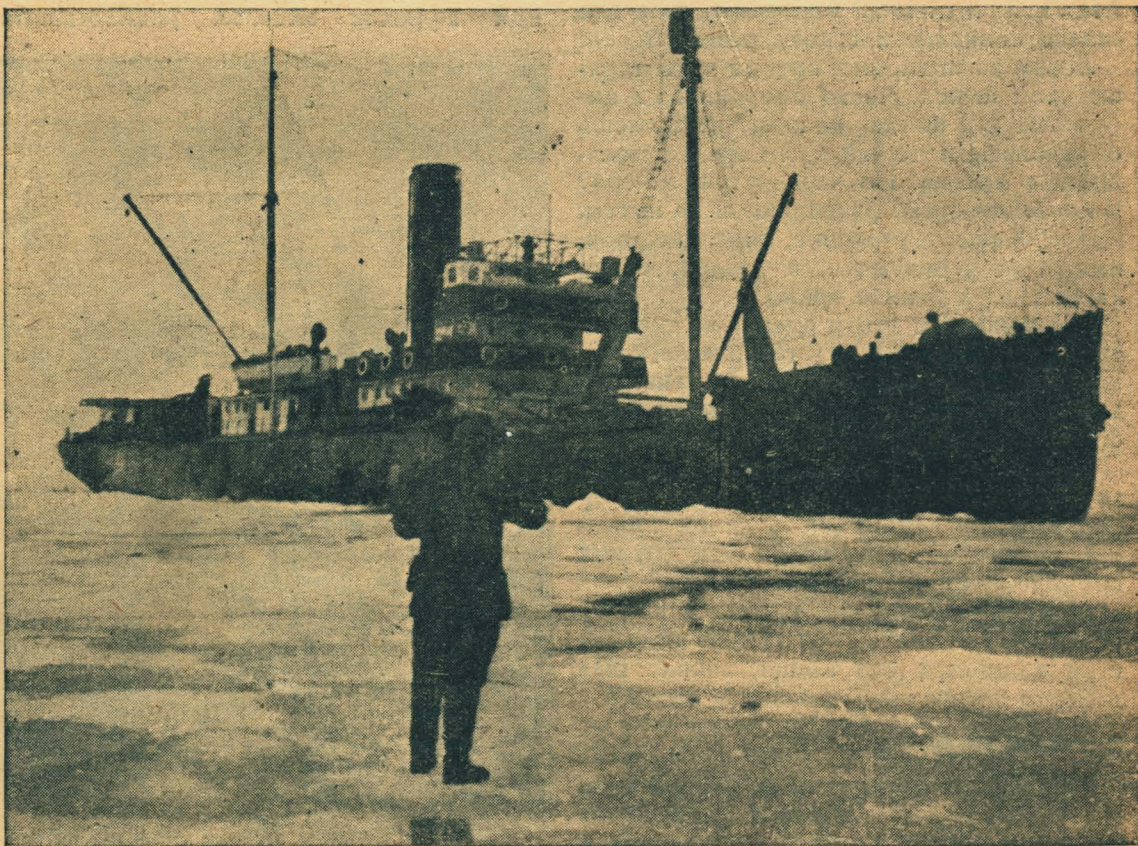
«Сибиряков» же в течение одного лета прошел из океана в океан. О величайшем значении такого похода лучше всего говорят записки Норденшельда, когда он разбирал вопрос «о возможности торгового мореходства в Сибирском Ледовитом океане». Профессор писал:

«...удобные сношения морем между заливами, образуемыми устьями Оби и Енисея и Атлантическим океаном с одной стороны и между устьем Лены и

Тихим океаном—с другой, открываются для торговли. Этот путь делает возможным вывоз земледельческих, лесных и сельскохозяйственных произведений неизмеримых и замечательных своим плодородием областей»...

В ОДИН ГОД

Так более полувека назад мечтал Норденшельд. Частично его мечта была реализована. Норденшельд хотя и в два года, но все же прошел вдоль севера всей Азии. Однако для полного разрешения вопроса о Великом северном пути надо было разрешить проблему совершения рейса в течение одной навигации.

В борьбе с тяжелым льдом ледокол терял стальные лопасти гребного винта

Начальник экспедиции профессор
О. Ю. Шмидт

Надо было доказать, что этот путь имеет все данные и возможности при соответствующей организации стать для Сибири широкой морской дорогой к центру мировых рынков. Но для этих дел у царской России не было ни средств, ни подходящих людей. Потребовались полстолетие плюс советская власть и новый человек — большевик, воспитанный большевистской партией, который мог противопоставить полярным стихиям могучую силу своего крепко спянного коллектива, чтобы осуществить мечты передовых людей прошедшего столетия.

Вслед за ледоколом «Сибиряков» в ближайшие годы по Великому северному пути пойдут уже не экспедиционные, а торговые корабли, и Северная Азия получит новый мощный толчок для своего социалистического развития.

Летом за полярным кругом часы теряют свой смысл. Часто смотришь на циферблат и в конце концов не можешь определить, который час. Стрелки показывают восемь. Но чего — утра, вечера? В плавании сутки разделяются на вахты. Вахты бывают утренние, вечерние, ночные. Они чередуются, и следовательно люди спят в разное время.

В Арктике же летом солнце не скрывается за горизонтом, и в течение нескольких месяцев там стоит вечный день. Поэтому там так легко, если не следить, спутать часы.

На борту «Сибирякова» в числе других пассажиров находился и петух. Сибиряковцы, вспоминая о своем плавании, шутят, что этот петух был для них самыми лучшими часами.

Если он неожиданно кричал и кричал недолго, все знали, что сейчас ночь. А если заливался без конца, значит был день.

ПЕРВЫЕ ЛЬДЫ

Тридцатого июля, т. е. на второй день после ухода из Архангельска, когда корабль вышел из Белого моря, капитан Воронин повернул его на восток. Этим курсом он должен идти вдоль всех север-

ных берегов Азии, пока не достигнет Берингова пролива. Когда был совершен этот поворот, льдов не было и в помине. Но все знали, что чем дальше на восток, тем больше будет льда, тем тяжелее станет путь. И действительно, не успел ледокол подойти к Новой Земле, чтобы через пролив Югорский Шар пройти в Карское море, как получил по радио предупреждение:

«Ю. Шар забит льдами».

Пришлось идти другим проливом — Маточкиным Шаром.

Второго августа все, кто сидел в каютах, находился у котлов или машин, почувствовали резкие удары. Весь корпус сильно задрожал. Казалось, ледокол попал на отмель и его киль бьется о камни дна. Многие выскочили на палубу. Оказалось, что «Сибиряков» вошел в первые льды. Это был грязный, желтый лед, который несло от устьев великих сибирских рек — Оби и Енисея. На палубе с винтовками задежурили наиболее заядлые охотники. Они ожидали появления белых медведей. Вечером начальник экспедиции профессор Шмидт увидел первого зверя. Огромный океанский белый медведь двигался навстречу. Он привык себя чувствовать хозяином Арктики. До сего дня он не встречал силы, с которой не мог бы справиться. И медведь спокойно, немного даже с любопытством смотрел на приближающееся серое чудовище.

Раздались выстрелы.

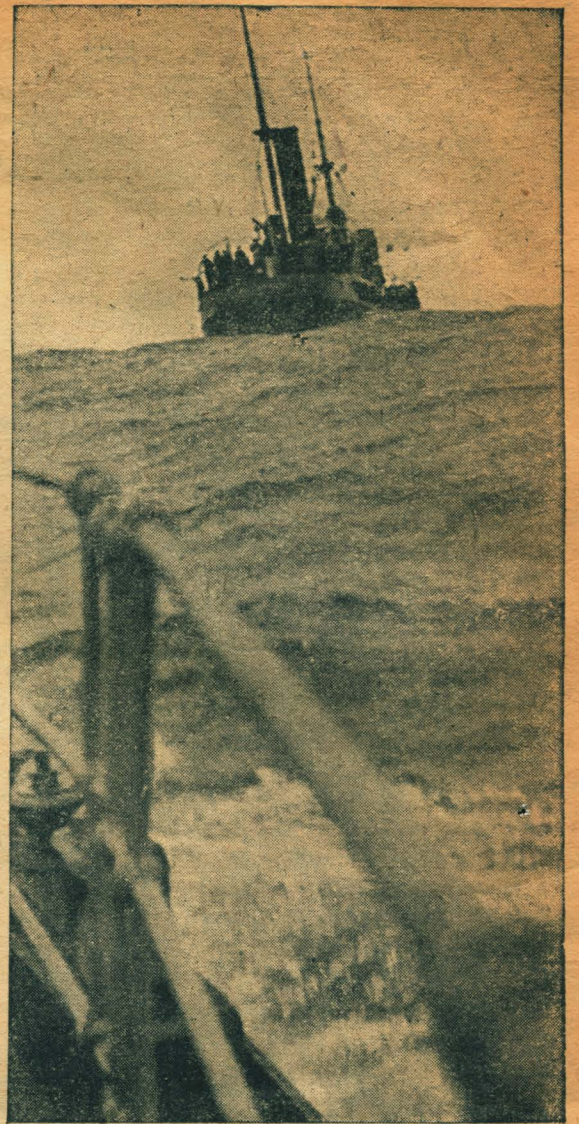
Медведь точно споткнулся. Больше он не встал. Через несколько минут стальной трос тащил его на палубу, а любители свежего мяса облюбовали себе куски для бифштекса.

ВОРОТА АРКТИКИ

«Сибиряков» продолжал путь. Подходил к острову Диксон. Диксон является своеобразными воротами Арктики. Все полярные экспедиции, идущие на восток, не могут его миновать. В вахтенном журнале местной радиостанции

Связь с землей ледокола «Сибиряков» осуществлялась посредством собак

Советский тральщик «Уссуриец», взявший на буксир «Сибирякова»

есть ряд исторических подписей. Раскрывая книгу, вы можете увидеть мировые имена. Вот почерк капитана Уилькицкого, который в 1912—1914 гг. на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач» был здесь по дороге из Владивостока в Архангельск. Вот строки Рольда Амундсена, начертанные в 1920 г., когда он плывал в этих водах на судне «Мод».

Радисты расскажут, как великий старик был здесь изуродован медведицей. Ей было немного более года. Она сидела на цепи. Была ручная. Но иногда на нее находили приступы раздражительности, и в эти дни смирный и обычно ласковый зверь был неузнаваем. Амундсен сошел на берег как раз в такой момент. Его предупреждали. Он улыбался и как бы говорил:

— Зачем беспокоиться! Я изучил их характер и нрав лучше, чем нрав людей.

И он подошел к медвежонку. Все шло хорошо. Зверь довольно урчал. Они возились, когда неожиданно резким ударом зверь разорвал рукав куртки Амундсена. Амундсен отпрыгнул. Это было более чем вовремя. Зверь в испуге рвался вперед.

Амундсен, продолжая улыбаться, обхватил здоровой пораненную руку и поспешил на шлюпку.

Вот подпись пилота Чухновского, которому Диксон служил и служит излюбленным местом стоянки, когда он летает над Карским морем.

Профессор Шмидт от имени экспедиции на «Сибирякове» поставил свою подпись.

ОСТРОВ СВЕРДРУПА

Проходят дни. Норвежский пароход «Вагланд», который обязан доставить для «Сибирякова» новые запасы угля, запаздывает. Не желая терять даром время, «Сибиряков» и ледокол «Русано», который шел на Северную землю менять зимовщиков, решают 7 августа отправиться к острову Свердрупа.

В 1893 г. командир нансеновского корабля «Фрама» капитан Свердруп увидел его с борта и отметил на карте. Но ни один человек не вступил на остров. Советские ледоколы впервые обследовали его.

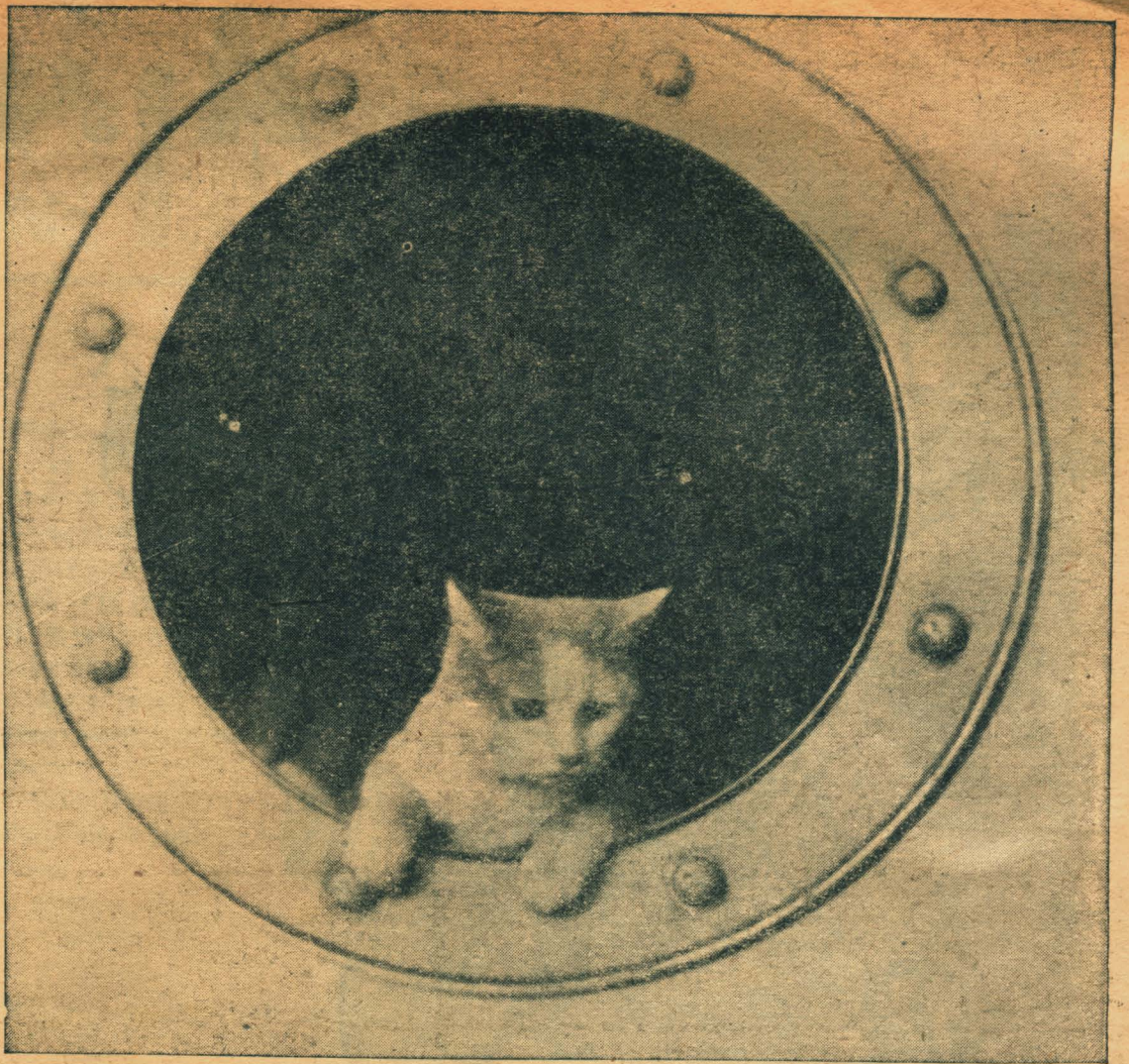
ВСТРЕЧА С ЗИМОВЩИКАМИ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Наконец десятого пришел «Вагланд» с углем. Четырнадцать часов все, начиная от начальника экспедиции до последнего матроса, грузили уголь. 11 августа угольные ямы «Сибирякова» были полны. На мачте «Вагланда» взвились флаги. Пароход прощался с ледоколом и желал ему счастливого плавания. Норвежец ушел обратно. «Сибиряков» продолжал путь. На расстоянии 15 миль от «Сибирякова» плывет ледокол «Русанов». Оба корабля то и дело производят промеры глубины, берут температуру воды. Близка Северная земля, где небольшая группа людей с начальником зимовки т. Ушаковым проводит второй год. Радист «Сибирякова» Кренкель вскоре устанавливает с ними связь. Ушаков сообщает:

«Льдов в районе Северной земли нет. На станции благополучно. Живы. Привет. Ждем».

Шмидт благодарит Ушакова и сообщает:

«Будем пятнадцатого. Едет новая смена. Жму руки».

Любимица команды ледокола «Сибиряков»

НОВАЯ КАРТА

2 года люди прожили в одиночестве, отрезанные сотнями тысяч километров льда от ближайшего населенного пункта. Объятия, поцелуи. Зимовщики и

экипаж ледокола идут в кают-компанию.

Ушаков рассказывает о днях зимовки.

750 дней. За это время исследован весь архипелаг. Открыто и занесено на карту много новых островов. Найдены богатые месторождения полезных ископаемых.

Беседа длится всю ночь. Беседа, казалось, не будет конца. Но надо спешить дальше. И в полдень «Сибиряков», взяв курс норд, покинул Северную землю. В тот же момент кромка горизонта прорезалась черной линией—это дымил «Русанов». Он вез Ушакову и его товарищам смену.

В штурманской рубке на столе лежит новая карта Северной земли. Вернее — первая карта. До сего времени точное географическое положение этой группы островов не было определено. 2 года упорного и тяжелого труда положили геолог Урванцев и т. Ушаков на ее составление. Они ездили на собаках, шли пешком, проваливались под лед, голодали, мерзли и переносили много других лишений, чтобы завоевать эту страну.

Теперь мореплаватель может спокойно и уверенно идти в этих местах. «Сибиряков» первый пожинал плоды их труда. Вечером в голубом ожерелье льдов показался остров Шмидта, открытый в 1930 г. Вокруг его берегов на отлеях стояло 28 гигантских айсбергов, под лучами изредка проглядывающего из-за облаков солнца они вспыхивали

В тяжелом льду, когда не было возможно и работать проходному винту, ледокол продвигался вперед, перетягиваясь от льдины к льдине на стальных тросах

А Э Р О П Л А Н

Колыхалось небо бархатной лазурью,
воздвигая свой небесный план.
Вдруг, блистая из-за крыши,
вынырнул стальной аэроплан.
Легкокрылый, белый, словно туча,
делал он воздушный свой полет.
Подвигался всякой птицы лучше,
с быстротою рвался все вперед.
Пролетев над крышами задорно,
нео воздушную узду.
Вдруг на крыльях
на просторных
я увидел красную звезду.
Я смотрел, смотрел и улыбался,
мол, лети, купайся в облаках,
В боевой учебе тренируйся
и врагам
не поддавайся ты в боях.

Деткор О. Г.

всеми цветами радуги и были несравненно прекрасны в своей игре.

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ

16 августа в вахтенном журнале, куда заносятся все события корабельной жизни, появилась новая запись. Она говорила, что впервые в истории полярных плаваний Северная земля обогнута с норда. Ледокол был в море братьев Лаптевых.

Море Лаптевых неприветливо встретило сибиряковцев. Оно энергично стало атаковать их тяжелыми льдами. Вскоре корабль принужден был прекратить свои попытки продвинуться вперед, при усиленной работе ледокол с трудом за одну вахту пробивался на четверть корпуса, такое движение не оправдывало расхода угля и грозило расшатать весь корпус корабля.

НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО

4 дня стоит «Сибиряков». Отряды участников экспедиции производят пешее разведки. Они ищут пуги, по которому можно было бы вывести судно из цепких объятий льда. После всесторонних исследований решено попытаться разрушить льды взрывчатыми веществами. Под лед закладываются аммониты. Пять глухих ударов. После врезается змейками трещин. Капитан Воронин — вновь на мостике. Звенят (ходят) стрелки машинного телеграфа:

— Полный вперед!

— Полный назад!

Ледокол то, как искусный боксер, отступает назад, то стремительным ударом бросается вперед. Понемногу растут трещины. Лавируя, с трудом раздвигая льды, метр за метром «Сибиряков» отвоевывает пространство: 20 августа взята последняя перемычка. По разреженному льду он идет к устью Лены. Короткая встреча с ленскими пароходами: «Пропагандист», «Якут», «Партизан» и снова — путь на восток.

Ледокол точно кто-то схватил и дернул за корму колоссальной рукой. Корпус передернуло. Корабль задрожал и затрясся, точно в лихорадке. Стучала машина. Бешено крутился гребной вал.

Ледокол быстро терял скорость, с носа на корму бежали люди.

Кто-то спрашивал:

— Что случилось?

— Снесло лопасти.

В свое время Норденшельд писал с места зимней стоянки «Веги», что, если бы он сюда пришел сутками раньше, лед не помешал бы дальнейшему ходу и плавание из Атлантики в Тихий океан было бы совершено в одну навигацию. Сибиряковцы не могли терять ни одного часа. Объявляется аврал. Экипаж и научная часть экспедиции работают круглые сутки. 400 тонн угля перебрасывается на нос корабля. Корма, а вместе с ней и гребной вал с винтом вылезают из воды. Механики приступают к замене лопастей.

16 сентября «Сибиряков» продолжает путь. Осторожно, медленно пробира-

ется ледокол. Командование корабля и руководство экспедицией проверяют, насколько прочны новые лопасти. Они сидят более чем надежно. Воронин командует:

— Средний!

— Есть средний! — отвечают из машинного отделения.

— Полный!

И 17 сентября вновь началась борьба со льдами. 75 миль разделяют ледокол от мыса Дежнева. 8-го, 4 часа дня. Треск, удар.

— Лопасти?

— Нет. Они были более чем добросовестно поставлены. Не выдержал гребной вал.

Его скрутили льды. Он треснул, и весь винт ушел на дно.

— Мы должны быть у цели. Мы обязаны отдать все свои силы, — говорит на общем собрании т. Шмидт. И сибиряковцы отвечают на его призыв еще более дружной энергичной работой.

— 12 суток носился ледокол во власти дрейфа по Ледовитому океану, — говорит секретарь экспедиции т. Муханов. Сибиряковцы поставили своей целью во что бы то ни стало достигнуть и переступить порог цели, и 1 октября в 5 часов пополудни ледокол на парусах с попутным ветром вошел в Берингов пролив, миновав восточный мыс Азии.

Задание партии и правительства было выполнено — Великий северный путь пройден в одну навигацию.

СТИХИ

ДЕТКОРОВ

ТРАКТОР — КОНЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Как томительна жара
Сталинградского завода.
Здесь нуются трактора
С цеха до колхоза.
Вот и вышел новый трактор,
новенький, с конвейера,
он пошел в колхоз работать,
только пыль заеяла.
Трактор, конь Страны советов
и заводов и полей, —
не простая штука эта,
посильнее лошадей.
Этот призыв, тот крылатый
облетит пуская весь свет,
трактор — конь коллективизатор
и помощник новых лет.

О. Г.

ПРИЗЫВ К УЧЕБЕ

Надо учиться, учиться, учиться,
Надо сильнее себя закалять,
Чтобы к машине умелым явиться,
Чтоб днепростроев десятки создать.
Трудностей много — великая стройка,
Много нам надо ученых людей.
Будем учиться мы быстро и бойко,
чтобы на стройку явиться быстреей.
Скоро мы будем к работе готовы,
Скоро придем мы на смену старшим,
Ознаменуем победами новыми,
С песнями трудности все завершим.

Долгой отцы утомлены борьбою,
Пусть же посты свои нам передадут,
Все, что начато их мощной рукою,
Мы довершим, а они пусть взглянут.

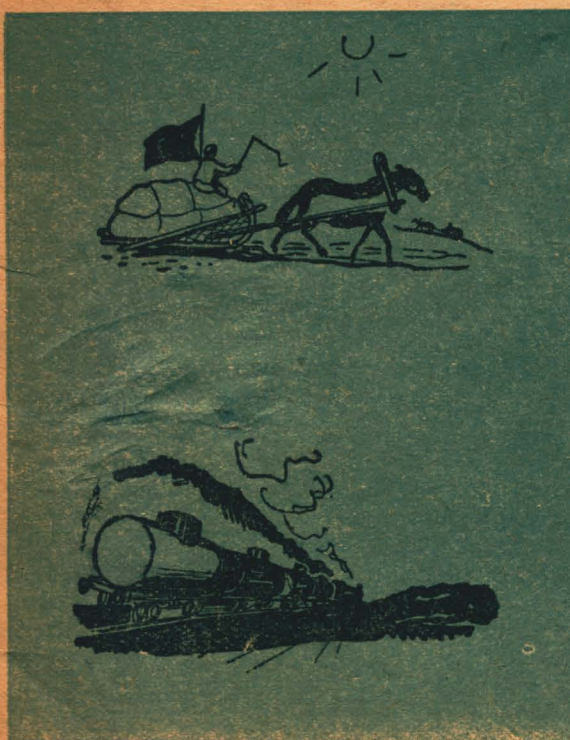
С радостью в сердце, с душою довольной
До смерти будут на нас все взирать,
Как молодое их поколение
Труд их, начатый рукой мозольной,
Будет умелой рукою завершать.

Наше, ребята, стремление —
Быстрее учиться, учиться, учиться
И крепче себя закалять.

Деткор МИХАИЛ ГУБКОВ.

С Т Р О И М

По дороге из колхозов
В город тянутся обозы,
На возах набиты густо
И картошка и капуста.

Поезд быстро мчит по степи,
Он везет цистерны нефти.
Пароход встречает басом:
«Уголь, уголь из Донбасса!»

В городах и шум и гром:
Строят школы, новый дом!
И асфальта черным маслом
Заливают улиц массу.

На заводах гул гудков,
Стук поспешный у станков:
Что ни час, стоит готовый
Для колхозов трактор новый.

Всюду труд упорный, стойкий,
Всюду пятилетки стройка.
Будем же и мы с отцами
В этой стройке кузнецами.

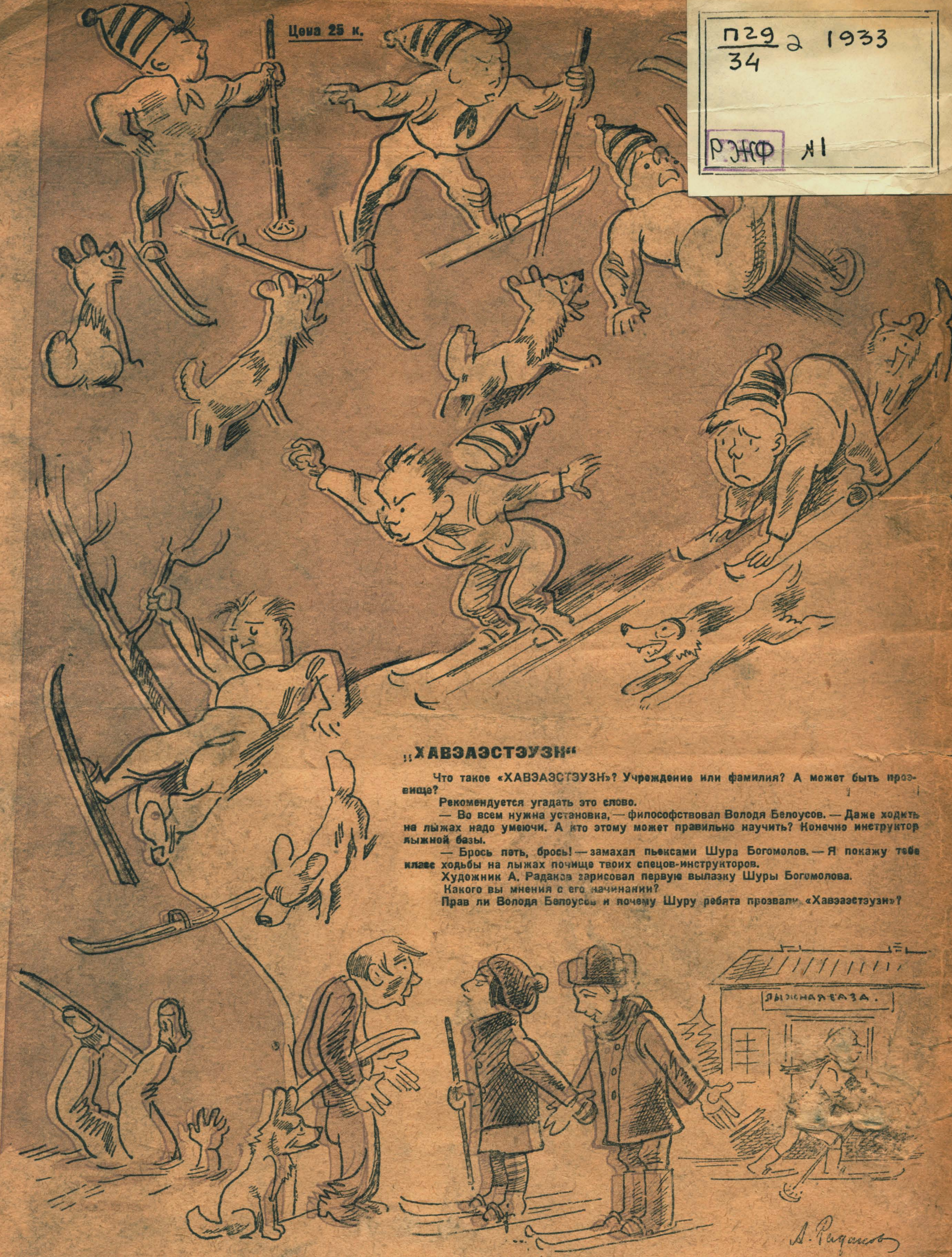
Деткор Д. ДОНЦИС.

Цена 25 к.

№ 29 а 1933
34

РЗЖФ № 1

«ХАВЭАЭСТЭУЗН»

Что такое «ХАВЭАЭСТЭУЗН»? Учреждение или фамилия? А может быть прозвище?

Рекомендуется угадать это слово.

— Во всем нужна установка, — философствовал Володя Белоусов. — Даже ходить на лыжах надо уметь. А кто этому может правильно научить? Конечно инструктор лыжной базы.

— Брось петь, брось! — замахал пьексами Шура Богомолов. — Я покажу тебе илазе ходьбы на лыжах почище твоих спецов-инструкторов.

Художник А. Радиков зарисовал первую вылазку Шуры Богомолова.

Какого вы мнения о его начинании?

Прав ли Володя Белоусов и почему Шуру ребята прозвали «Хавэаэстэузн»?

А. Радиков